

В.Д. Рягов
Петрозаводск

СЕМАНТИКА И МОТИВАЦИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ (НА МАТЕРИАЛЕ ALFE)

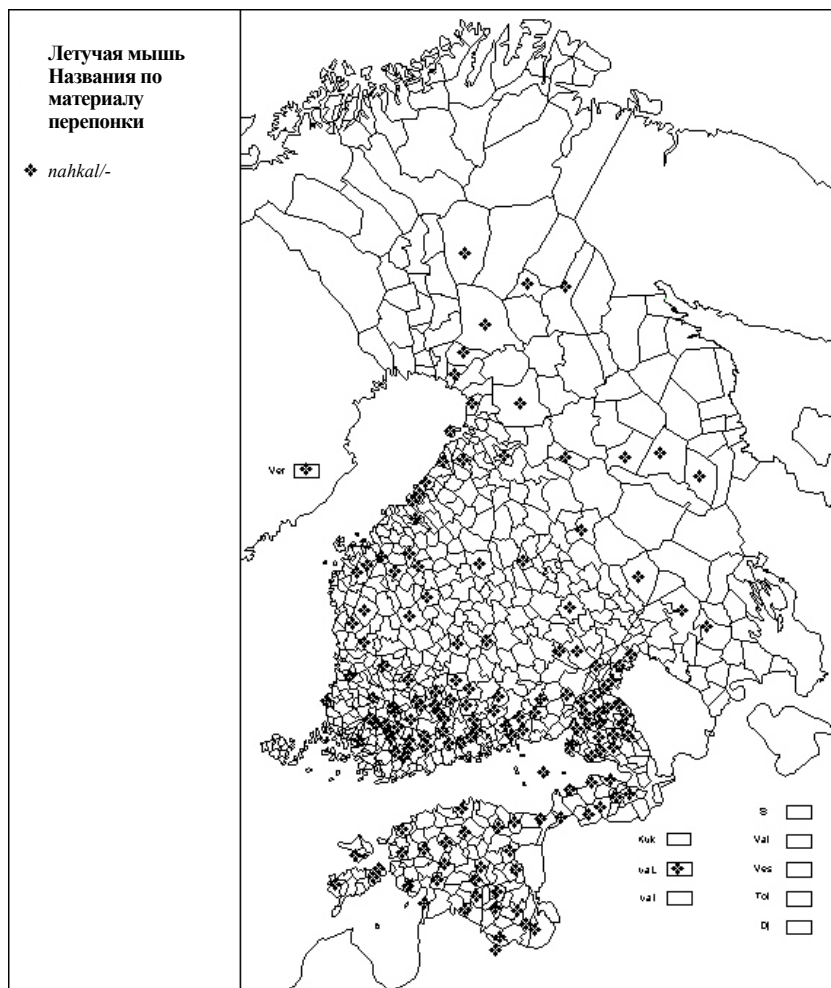
В процессе работы над “Лингвистическим атласом Европы”, при обсуждении результатов и опыта, полученного и накопленного за истекший период, на симпозиуме по прибалтийско-финской филологии (май 1979 г., Петрозаводск) была высказана мысль о целесообразности создания специального атласа по названной семье языков. В 1987 г. тема была включена в протокол по научно-техническому сотрудничеству между Советским Союзом и Финляндией. Были определены цели и задачи проекта: исследование территориальных языковых отношений между прибалтийско-финскими языками; разделение языковой общности на дочерние языки, рассмотрение положения и места южно-эстонского, водского и вепсского языков в языковой семье и происхождения ливвиковского наречия карельского языка и т.д., т.е. были подняты многие вопросы истории развития языков и их носителей. Для решения названных задач была составлена программа по сбору материала (вопросник), охватывающий один из уровней языка – лексику. Прибалтийско-финской науке уже известны атласы (Л. Кеттунен, А. Сааресте, Д.В. Бубрих), но они были чисто ареальные, ограничивались территорией распространения одного отдельно взятого языка (атлас финского языка Л. Кеттунена, эстонского – А. Саресте и карельского – Д.В. Бубриха). “Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков” представляет новый тип атласа: он охватывает языки целой семьи. Нет необходимости более подробно останавливаться на путях и методах решения тех или иных задач, с ними можно ознакомиться в предисловии к первой части атласа, вышедшей из печати в 2004 г. (ALFE I 2004: 53-68).

Основная часть вопросника ALFE – ономаσιологическая. Из 317 вопросов 271 чисто понятийные, т.е. картографировались именованя понятий. Существенной особенностью лексики по сравнению с другими уровнями языка является ее прямая и непосредственная связь и обращенность к явлениям действительности. В ней непосредственно отражаются все изменения: появление новых предметов, в свою очередь, их возникновение влечет создание новых именованя или изменение семантики уже существующих обозначаемых. В этом случае работа нацелена на анализ лексического значения слова, его соотнесённости с соответствующим понятием.

Существуют различные типы лексических значений слов: для некоторых слов выделение дифференциальных, отличительных признаков вообще не возможно (первичная номинация), но при исследовании значений слов или форм, являющихся производными, не основными, появляется возможность установления различных типов взаимоотношений между значениями. В этом плане представляет интерес именованя понятия “летучая мышь” (Chiroptera).

26 родов рукокрылых включает в себя около 290 видов. В повседневной жизни носители языка не обладают подробными знаниями по их видовым различиям. В каждом прибалтийско-финском языке, кроме старописьменных финского и эстонского языков, в которых под влиянием литературного языка обобщилось название *lepakko* (финский.) и *nahkhiig* (эстонский), существуют свои именованя и варианты, и поэтому общая лексическая карта, подготовленная для ALFE, включает в себя 17 наименований летучей мыши:

Финский: *yöleikka, yöleikko, lepakko, yölepakka yölepakko, lipakko, yölintu, yösiivikko, nahkasiikka, nahkasiikko, nahkasiippa, yökkö, yökkönen*; карельский: *lendäjä hiiri, üölakko, üöläpöi, üölihuoi, üöliivoi, üölöttö, nahkačikko, üövakuo*; водский: *lentävä iiri, nahkaiiri, üükakku, öölapakko, nahkanäärä*; ливский: *iieiri, siksparmaz*; вепсский: *öläpakein'e, öpäl'äk, öpärääne*; эстонский: *nahkiir, üükana, nahklapp, läbäkäs, nahknäär, nahkrot't, üüsisass*.

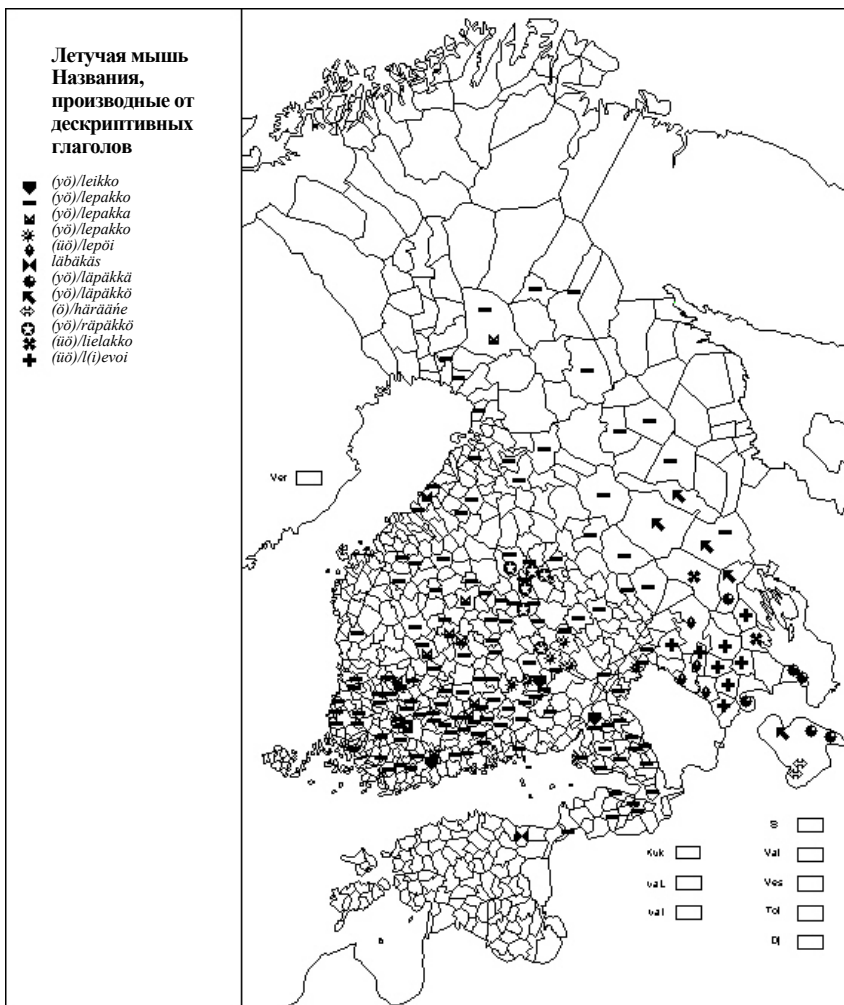
Карта № 1

Чисто лексическая карта нам ничего не говорит о сути названия, его мотивации, да и месте летучей мыши в жизни людей. В западной мифологии и народных поверьях рукокрылых считают носителями тьмы, символом мистики, демоническими существами, в то время как восточные народы считают их приносящими счастье. У карел летучая мышь играет функцию оберега: в угол невода, между мотней и крылом, вшивали завернутую в тряпочку, высушенную летучую мышь, ибо к неводу, как младенцу, могла пристать порча. Оберегом она служила и в свадебном обряде.

Одной из особенностей рукокрылых является своеобразие их телосложения, особенно передних конечностей. Пальцы летучей мыши соединены тонкой кожаной перепонкой, которую она натягивает как зонтик. Эта особенность, материал перепонки *nahka* “кожа” выступает как определяющая часть сложного слова, выделяя млекопитающее от других в чем-то схожих с ним. Мотивационная карта 1 дает представление о распространении названия по этому признаку (*nahkahiiri*, *nahklapp*, *nahklapak*, *nahkanäärä*, *nahkanäär(i)*, *nahkrot't*, *sahkasiipi*, *nahkasiikka*, *nahkasiikko*, *mahkačikko*, *nahkasiippa*).

Ночной образ жизни, охоты является отличительной чертой поведения рукокрылых. Мотивационная карта 2 иллюстрирует распространение названий с определяющим компонентом сложного слова *üö* – “ночь”, а также производные от *üö*–: *yölahkiir*, *yöhiir*, *üükakku*, *yökana*, *öölaakkoi*, *yölepakka*, *üöläpöi*, *el'äpakain'e*, *öpärääne*, *üöl'iluoi*, *yölintu*, *üölöttö*, *yösiivikkö*, *üüsisass*), а также производные – *yökkö*, *yökkönen*. Можно отметить, что данный признак характерен для карельского, вепсского, финского языков, реже эстонского.

Характер полета рукокрылых зависит от формы строения крыла: летучие мыши с узким и длинным крылом летают быстро, с коротким и широким – неуклюже, как курицы. Ловкость и неуклюжесть полета отражается определенным звуковым сопровождением, что нашло отражение как в производных от дескриптивных глаголов, относящихся к семантическому полю «лететь», так и в сложных словах, определяемым компонентом которых являются производные от дескриптивных глаголов, а определяющим лексема *üö* “ночь”: *yöleikka*, *öölapakko*, *lepakka*, *lipakko*, *yölipakko*, *üöläpäkkö*, *räpäkkö*, *üöliivoi*.

Карта № 2

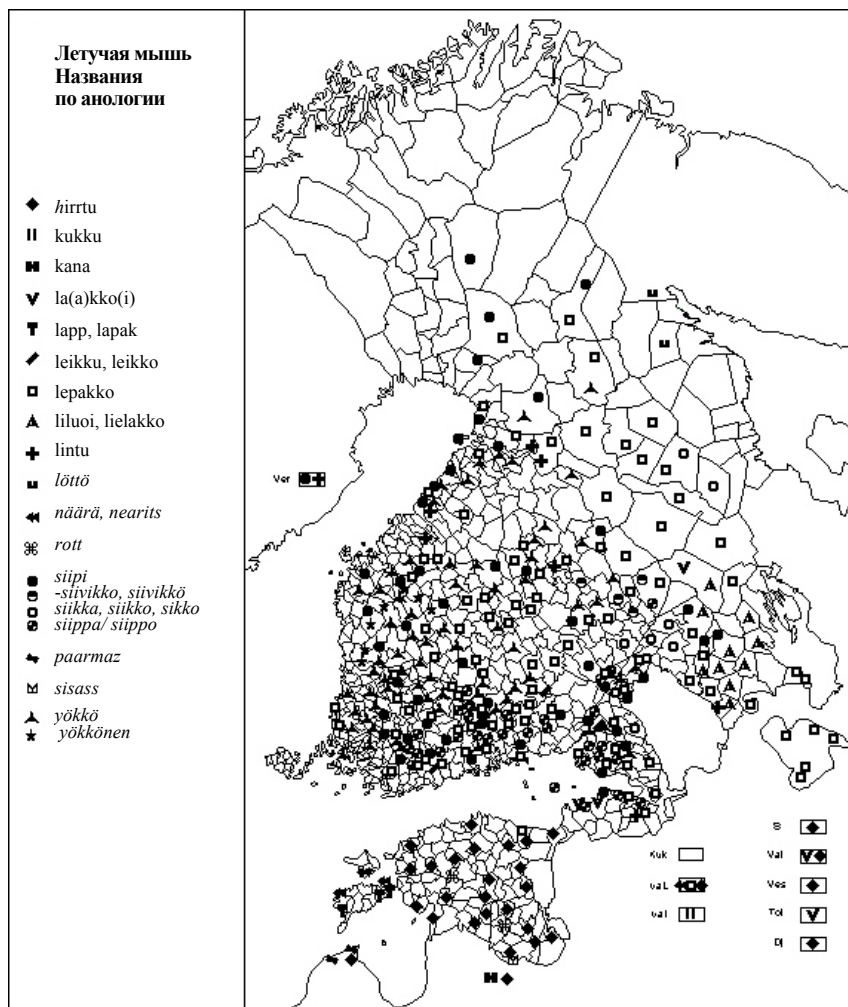
Эвфемистическое, переносное наименование летучей мыши дается на карте 3. Оно включает определяемую часть слова или само производное, употребляемое в переносном значении:

- *hiiri* “мышь” (J. Mägiste V 1982: 1658-1659);
- *kakku* “сова” (по образу жизни, внешнему сходству ушей);
- *kana* “курица” (по аналогии полета: *üükana* (эстонский));
- *la(a)kkoi* “филин”;
- *lapp*, *-lapak* “лоскут, заплатка, пятно, лоскут материи, кожи” (SKES II 1976: 277);
- *leikka* ~ *-leikko* “бекас”;
- *läpöi* “козодой, прядильщик”;
- *liluo*, ~ *lielakko* ‘козодой, полуночник (< русск. лиляк, лилок’ (СРНГ, 1981: 47, J. Kalima 1930: 132);
- *lintu* “птица”;
- *-siikka*, *-siikko*, *-čikko* “белка-летяга” (SKES IV: 1014);
- *-siippa* ~ *-siippo*, возводят к *siipi* “крыло”.

В последнем случае (*siippa*, *siippo*) фонетические особенности ставят под сомнение такую трактовку. В карельском языке сгиб руки называют *käzisiippu*, в финском языке жену игриво называют *siippa*; слово употребительно в свадебной терминологии. Думается, что *nahka/siippa* обозначает специфику строения летучей мыши, а именно “сгиб передних конечностей, обтянутый кожей” (SKES IV 1969: 1016-1017; SSA III 2000: 176-177).

Кроме перечисленных, встречаются и иные определения летучей мыши:

- *-löttö* “лягушка” (схожесть кожного покрова);
- *-näärä* ~ *näär(i)* “сойка (дубленая кожа, кожаная ткань)” (J. Mägiste VI 1982: 1081);
- *-rot't* “крыса”;
- *-siivikko* ~ *-siivikkö* “белка-летяга; оса”;
- *-sisass* “соловей” (SKES 1969: 43);
- yökkö* “какая-то маленькая ночная птица”;
- yökkönen* “ночная бабочка” (SKES:1976:1866).

Карта № 3

Таким образом, внешние признаки (строение тела, ночной или сумеречный образ жизни, своеобразии полета и его звуковое, шумовое сопровождение, черты сходства с другими млекопитающими, обуславливающие переносное, метафорически эвфемистическое наименование) служат той семантической основой для обозначения референта и составляют как бы внутреннюю сторону слова, его понятийное содержание. Многообразие признаков характеристик обуславливает выбор наиболее броской черты, особенности и служит богатству названий летучей мыши, множеству мотиваций ее именовании в прибалтийско-финских языках.

Литература и сокращения:

- Сивонен Л.* Млекопитающие Северной Европы. М., 1979.
СРНГ – Словарь русских народных говоров, вып. 17. Л, 1981.
Kalima J. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat. Helsinki, 1930.
Nyky-suomen sanakirja. IV osa. Werner Söderström osakeyhtiö. Porvoo-Helsinki, 1961.
Mägiste J. Estnisches Etymologisches Wörterbuch V. Helsingin yliopiston monisteispalvelu.. Helsinki, 1982.
SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja II. Helsinki. 1958; IV osa, Helsinki, 1969.
SSA – Suomen sanojen alkuperä I-III. Helsinki, 1992-2000.
Suomen kielen perussanakirja, II. Helsinki, 1995.
Zoo. Suuri eläinkirja I. Werner Söderström-osakeyhtiö. Porvoo- Helsinki-Juva. 1978.

Vladimir Rjagojev

Petroskoi

Lepakon nimityksiä ALFE: SSA

(Tiivistelmä)

Jokapäiväisessä kielenkäytössä siipijalkaisia kutsutaan itämerensuomalaisissa kielissä monella eri tavalla. ALFE:ssa kartoitettava aineisto sisältää 17 nimitystä. Tieteellinen nimitys on 'Chiroptera', kasisiipiset eli siipijalkaiset. Lepakoiden erilaatuinen ruumiinrakenne,

lento ja sen luonne, öinen liikkumis- ja saalistamisaika, jonkun piirteen tai käyttäytymistavan samanlaisuus muiden nisäkkeiden suhteen ovat semantisena pohjana itämeren-suomalaisissa kielissä tavallisille käsisiipisten kansanomaisille nimityksille.

